

Крым - год спустя | Crimée, un an après

Автор: Жорж Нива (пер. Н. Сикорской), [Санкт-Петербург - Женева](#) , 07.04.2015.

Санкт-Петербург, 1 марта 2015 года (© А.Громов/Фонтанка.ру)

Почетный профессор Женевского университета делится своими равнодушными наблюдениями за продолжающимся противостоянием между Россией и Украиной.

Professeur honoraire de l'Université de Genève partage ses observations engagées sur le conflit entre la Russie et l'Ukraine.

Crimée, un an après

Было воскресенье, 1 марта. На Марсовом поле Санкт-Петербурга, где с 1919 года горит вечный огонь в честь «всех жертв тирании», запланированная демонстрация «Против войны! Против кризиса!» превратилась, как и в Москве, в траурный митинг памяти Бориса Немцова, убитого накануне под стенами Кремля. Семь-восемь тысяч

участников точно. Всех возрастов, много молодежи, некоторые задрапированы в украинский флаг. «Борис! Будем бороться!», «Пропаганда убивает», «Диагноз: маньяк», «Долой спекуляцию! Национализируем корпорации!», или вот еще «Кремль=террористическая территория». Пара плакатов прославляют пилота Надежду Савченко, украинскую Жанну д'Арк. Атмосфера мирная, очень мало полиции, люди, кажется, разделились на протестные семьи: анархисты, национал-большевики (несколько плакатов с запрещенными лозунгами изъяты полицией), коммунисты, либералы или верующие («Не убий!» на церковнославянском).

Мирные и смирные: с одной стороны, толпа не огромная для пятимиллионного города, с другой, большинство, кажется, смирилось с тем, что сильная власть в России неизбежна. Такой тезис, выдвигавшийся многими мыслителями, включая умершего в 1954 году в эмиграции, в швейцарском Цолликоне, Ивана Ильина, сегодня граничит с официальной философией. В любом случае, трудно разглядеть силу «другой России», как говорит журналист Евгений Кисилев, «беженец» в Киеве (напомним, что визовый режим между двумя странами так и не установлен.) Тем не менее, несколько недель встреч убедили меня в том, что в определенной части общества созрели элементы для новой «гражданской войны», скажем, это форма диссидентства, более заметная, чем вчера, поскольку можно открыто заявлять о своем несогласии. Родственники, друзья старательно избегают центральный вопрос, чтобы не разругаться навеки. Ярлык «фашист» используется в обоих направлениях как здесь, так и в Киеве. О Крыме – который некоторые депутаты предлагают переименовать в Тавриду, как во времена его завоевания Екатериной Второй – говорят мало. Аннексия утверждена даже в либеральном мнении, за редкими исключениями. При этом прошлогодний энтузиазм менее заметен. Для многих эта была лишь «необходимая поправка» к самовольному поступку Хрущева. Несколько человек сказали мне, что в свое время, в 1954 году, их родители были возмущены...

Нет, настоящая тема – это война на Донбассе. Именно она разделяет, приводит в ярость. Каждое воскресенье известнейший журналист Владимир Соловьев повторяет обличительные речи против Украины – фашистской, униатской и, главное, манипулируемой Западом, Западом с двумя головами, Америкой или Европой, каждый участник программы выбирает «свою». Он превосходит даже президента Путина, и точно служит «резервом» правых. Вечером в день убийства Немцова наш шофер такси безапелляционно заявляет, еще до транслировавшейся на следующий день передачи Соловьева: «Кто убил Немцова? Конечно, Америка!». По моей просьбе он уточняет: как и в Чечне, и в Афганистане...

Но шофер такси не одинок: интеллектуалы тоже часто сомневаются, колеблются. Украинский национализм для них – совершенно чуждый элемент. По сути, на поверхность все время возвращается вопрос, относящийся к памяти последней войны. Надо было выбирать из двух зол. Черчилль свой выбор сделал без эмоций: лучше Сталин, чем Гитлер. У украинских философов-националистов выбор был иной. Например, Дмитро Донцов, филолог и жесткий апологет национального возрождения как прелюдии к возрождению политическому, по примеру Финляндии или Польши. Нынешний министр национального образования Сергей Квит посвятил ему книгу. Донцов сбежал в Берлин, но не был коллаборационистом, как Бандера. Это расхождение в памяти о войне всегда очень эмоционально (недавно вспоминали блокаду Ленинграда, что сопровождалось оживленными дискуссиями). Это

расхождение остается важным индикатором, усиленным официальным почти религиозным почитанием победы 1945 года, которое усиливает и определенный русский долоризм (учение о пользе и нравственной ценности страдания – Н.С.). Этот индикатор наблюдается и во многих либеральных институтах, например, в Европейском университете. Конечно, убийство Бориса Немцова – это вежа. На эмоциональном уровне оно привело к подобию короткого перемирия. Телеканал экономической направленности РБК, принадлежащий Михаилу Прохорову, посвятил целых три дня почти исключительно программам и круглым столам о Немцове, в целом – противоречивым и бесстрастным.

Но это нисколько не меняет общую атмосферу, напоминающую атмосферу в осажденном городе: не только Америка, но и Европа воспринимаются многими как осаждающая сила. Во всех слоях общества все рассуждают как геополитики, это слово – повсюду. А вместе с ним – навязчивая идея, которая родилась не вчера. Она была превознесена в 19 веке Николаем Данилевским в его книге «Россия и Европа», где отношения между нациями представлены как дарвиновская борьба между видами. Донцов позаимствовал у него несколько тем. Например, тему «русского мира», которую переняла официальная идеология. «Европа как враг» - вот официальная причина, приведшая к закрытию в декабре прошлого года Московской школы гражданского просвещения, совершенно открыто получавшей субсидии от Европейского парламента. Министерство юстиции объявило ее «иностранным агентом».

Реальная война, до недавнего времени приносившая ежедневные жертвы на Донбассе вследствие использования авиации украинской стороной и тяжелой артиллерии обеими сторонами, - тема многочисленных репортажей, и не все они милы и снисходительны. Например, в еженедельном «Русском репортере» были длинные интервью, взятые в подземных укрытиях у семей, спасавшихся там от «киевских» бомб. Надо отметить, что главный редактор - из Донецка. Виктор Спектор, мой друг-поэт из Луганска, с которым я иногда созваниваюсь, с болью описывает ситуацию, с горечью жалуясь на свою страну (на языке которой говорит, хотя его родной язык русский). Ненависть усиливается, как на гражданской войне. И наоборот, находятся российские интеллектуалы украинского происхождения или нет (семейных связей миллионы), которые обнаруживают, что в сердце они – украинцы и переезжают в Киев (как писатель Андрей Дмитриев). Иными словами, в самоидентификации многих происходит серьезная перестановка.

Историк Андрей Зубов уже не преподает в Москве – из-за сравнения аннексии Крыма с аннексией Судетов, зато университет Киево-Могилянская академия сделал его почетным доктором. И в обратном направлении – киевский философ Виктор Малахов поделился с московским философским журналом своими «анти-майданскими» размышлениями. Даже церковь не может выступить в роли посредника. В самом начале конфликта патриарх Кирилл попытался остаться «над схваткой» (на Украине находятся тысячи приходов, относящихся к его юрисдикции), но потом занял сторону. Однако кое-где православные священники все же мужественно, а иногда и страстно проповедуют против войны. Их проповеди можно найти в интернете. Один из них, убежденный монархист, - самый жесткий противник политики Кремля. Он осуждает крайнюю легкость, с которой все принялись говорить о войне, о «третьей

мировой», а может, и ядерной. Для журналиста Владимира Познера, ветерана Советского союза и отличного знатока запада, речь идет о последней битве между просоветчиками и антисоветчиками – что не означает, что поколение, которое необратимо выявит руководителей, родившихся в СССР, не будет «империалистическим» или антиевропейским. Но по-другому. Горький говорил в 1931 году: «Если враг не сдается, его уничтожают». Это было не к его чести. И его самого убили в 1936-м. Сегодня мы слышим: «Кто не с нами, тот против нас». Что означает отказ от диалога между россиянами и еще больше – с Европой, которую рассматривают как врага. Больше всего волнует то, что тех, кто так думает – вслух или про себя – очень много. «Пропаганда убивает», конечно, но не все можно объяснить пропагандой.

От редакции: оригинальный текст профессора Нива можно найти в его [блоге](#) в Нашей Газете.ch.

Source URL: <https://www.nashagazeta.ch/news/politique/19373>